

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-350-367

**Семиотика городов Сибири:
типологический аспект**

Татьяна Александровна Богумил

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

tbogumil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Аннотация

С опорой на методологию теории локальных текстов и геопоэтического подхода обобщены и систематизированы данные об истории, функциях и культурных образах городов Сибири. Цель исследования – выявление универсальной общесибирской парадигмы урбанистического текста, на фоне которой станет очевидной уникальность или типичность тех или иных черт города. Сибирский городской текст обнаруживает переклички с петербургским текстом (город эксцентрического типа регулярной застройки, преимущественно «мужской»), провинциальным текстом (при нивелировании фронтального статуса города). Образные аналогии: ключ, окно, ворота, Сибирские Афины, уголок Петербурга, – не исключительны, встречаются в связи с несколькими городами Сибири. Потенциал развития локусов на территории региона различен. Наиболее выгодно месторасположение города на пересечении водных и наземных путей. Современный город неоднороден с точки зрения застройки, функций и семантики отдельных районов и представляет собой культурный палимпсест.

Ключевые слова

локальный текст, геопоэтика, сибирский текст, Алтай, образ

© Богумил Т. А., 2023

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367

Critique and Semiotics, 2023, no. 1, pp. 350–367

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00496 «Образ Алтая в сибирском тексте русской культуры», <https://rscf.ru/project/23-28-00496>

Для цитирования

Богумил Т. А. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-350-367

Semiotics of Siberian Cities: Typological Aspect

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

tbogumil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Abstract

The work is based on the methodology of the theory of local texts and the geopoetic approach. The article summarizes and systematizes data on the history, functions and cultural images of Siberian cities. The purpose of the study is to identify a universal all-Siberian paradigm of the urban text, against which the uniqueness or typicality of certain features of the city will become apparent. The Siberian city text reveals something in common with the St. Petersburg text (a city of an eccentric type of regular building, mostly “male”), a provincial text (with the leveling of the frontier status of the city). Figurative analogies (a key, a window, a gate, Siberian Athens, a corner of St. Petersburg) are not exclusive, they are found in connection with several cities of Siberia. The potential for the development of loci in the region is different. The most advantageous location of the city is at the intersection of water and land routes. The modern city is heterogeneous in terms of development, functions and semantics of individual areas, representing a cultural palimpsest.

Keywords

local text, geopoetics, Siberian text, Altai, image

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation under grant no. 23-28-00496 “The image of Altai in the Siberian text of Russian culture”, <https://rscf.ru/project/23-28-00496>

For citation

Bogumil T. A. Semiotics of Siberian Cities: Typological Aspect. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 350–367. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-350-367

Истоки семиотического изучения города в русской научной мысли восходят к градovedческим изысканиям И. М. Гревса о Флоренции, вдохновившим Н. П. Анциферова на исследование Санкт-Петербурга. Новаторская концепция города как гетерогенного «историко-культурного организма» [Анциферов, 1991, с. 41], изменчивого, но внутренне постоянного, обладающего собственной семантикой и языком («Городские названия – язык города» [Там же, с. 41]), а также реализованная исследователем задача выявления эволюции образа Петербурга в художественных произведениях, – всё это задало векторы развития теории и методологии изучения городского свертхтекста в трудах представителей тартуско-московской школы. Сформулированная В. Н. Топоровым модель петербургского текста определила: его генезис – антитетичное мифологическое ядро, вырастающее из эмпирически постигаемой данности места; природу – «синтетический свертхтекст» [Топоров, 1995, с. 275]; способ существования – варианты, восходящие к единому инварианту; маркеры – «словарь», «языковую и предметно-качественную парадигму» [Там же, с. 280]. Ученые предложили культурологические типологии городов: стихийный (план = ствол дерева в разрезе) и регулярный (план = правильные линии, проспекты) [Анциферов, 1991, с. 25]; концентрический и эксцентрический [Лотман, 2000], «дева» (Иерусалим) и «блудница» (Вавилон) [Топоров, 1987], «женский» и «мужской» [Меднис, 2003] и пр.

После публикации работ В. Н. Топорова и Ю. М. Лотмана о Петербурге и Москве, выход которых в 1980-е гг. совпал с началом распада СССР и обострением потребности людей в территориальной самоидентификации, в культуре произошла «текстуальная революция», т. е. «повсеместное и целенаправленное учреждение локальных “текстов культуры” разного уровня и масштаба» [Люсьи, 2011, с. 95]. Вслед за петербургским текстом с разной степенью убедительности были выявлены и описаны иные столичные (московский, киевский), провинциальные (пермский, волжский, саратовский, самарский, вятский, елецкий, муромский, etc.), иностранные (венцианский, римский, лондонский, ташкентский, etc.) городские свертхтексты.

В рамках геопоэтики – альтернативного подхода, в центре внимания которого также находится проблема взаимоотношения человека и пространства, город рассматривается не столько как текст, сколько как образ [Абашев, 2012, с. 15]. Под геопоэтическим образом понимается символический «образ территории как единого целого», который формируется, «когда территория, ландшафт... становятся предметами эстетической и фи-

лософской рефлексии» [Абашев, 2012, с. 54]. Данный подход, по сути, на ином научном уровне возвращает к идеям Н. П. Анциферова: только художнику слова «наиболее доступно целостное видение города, которое может привести к уяснению его идеи» [Анциферов, 1991, с. 46].

Среди русских городов особое место занимают сибирские, что связано как с особенностями региона, так и со спецификой возникновения, исторического развития и функционирования поселений.

Расцвет литературной регионалистики на рубеже XX–XXI вв. ознаменовался в том числе и появлением работ филологов и культурологов о городских мифах и текстах Сибири. Были намечены образные модели Барнаула [Десятков, Куляпин, 1998], Новокузнецка [Голуб, 2008], Томска [Бабенко, 2011; Киселев, 2017], Красноярска [Кудинова, 2015], Тюмени [Байдуж, 2016], Новосибирска [Корниенко, 2019], Тобольска [Шаповалов, 2020], Якутска [Ноева (Карманова), 2021] и др. Личный опыт описания образов урбанистических центров Алтайского края – Барнаула, Бийска, Змеиногорска [Худенко и др., 2019, с. 50–75, 82–99] – выявил потребность в реконструкции универсальной общесибирской матрицы, на фоне которой станет очевидным уникальность или типичность тех или иных черт города, что и является целью настоящего исследования.

Культурная семантика города, как известно, определяется его названием и пространственными параметрами [Лотман, 2000, с. 320]. Особенность номинаций первых сибирских городов была подмечена историками: «... в то время как в России конца XVI – XVIII в. появляются и строятся города, названные “аристократическими” именами, например, Борисов, Царицын, Екатеринбург и Екатеринослав, Павловск, – в Сибири города прозываются или по речкам – Тобольск, Томск, Туринск, Тара, или же “по дивности сего места” – Красноярск, или же по этносу древних обитателей Сибири – Якутск, Ялуторовск» [Резун, Василевский, 1989, с. 297], а также «по названию древнего родоплеменного аборигенного городка, который находился по соседству – Сургут, Пелым» [Резун, 2005, с. 66]. Налицо нерасторжимое единство имени и места, а не имени и власти, что связано не только с «демократичностью», «народностью» [Резун, Василевский, 1989, 1989, с. 297] сибирских поселений, отдаленных от государственного центра, но и с природосообразностью выбора локации. Остроги и города ставились с учетом рельефа местности, часто на возвышениях, при слиянии рек: «Течение могучих сибирских рек предопределило пути русской колонизации и места построения острогов. Исполинская веерообразная система Оби с центром в Тобольске представляла плацдарм русского могущества.

А от Тобольска почти непрерывный водный путь вел к Великому океану <...> естественной грани русского могущества на востоке» [Васильев, 1916, с. 17].

Подобно всем поселениям «эксцентрического» типа, расположенным «на краю» культурной ойкумены, для городов Сибири актуальна оппозиция «природа – культура», семантика которой была описана Ю. М. Лотманом на примере Петербурга, возведенного «вопреки Природе» [Лотман, 2000, с. 321]. Наводнения и заболоченность были постоянными спутниками ранних сибирских городов, как и пожары, губительные для деревянных строений. Впрочем, негативные проявления стихии компенсировались другими природными, политическими, экономическими и пр. факторами. Естественно, эсхатологическая мифология поселений формировалась с оглядкой на наиболее вероятные бедствия. В частности в Барнауле, хоть и построенном в XVIII в., но подверженном тем же опасностям, бытовала легенда о «проклятии» города его основателем А. Н. Демидовым, что объясняло катастрофические события: наводнение 1793 г., пожар 1917 г. и др.

Культурный ореол города, помимо имени и места, связан с изменением функции поселения во времени, историческим процессом формирования локального текста как архитектурно-ландшафтного и семиотического палимпсеста, «аккумулятора памяти» [Абашев, 2012, с. 123].

Самые первые русские укрепленные городки (Ляпинский, Сосвинский, Обдорский, Казымский) были построены в середине XV в. на территории низовьев Оби и ее притоков возле политических центров аборигенных племен и княжеств¹. Выбор местоположения определялся военно-тактическими целями, оборонительные укрепления москвитян символизировали русскую государственность. Деревянные постройки не сохранились, историки могут только догадываться, как они выглядели.

В XVI в. границы Московского государства сдвигаются в сторону Уральских гор. На берегах рек Сосьвы, Оби, Надыма, Таза, окрестности которых были богаты пушниной, вблизи с родовыми стойбищами коренных сибиряков возникла система русских вольнопромышленных и торговых поселений: Надымский, Обдорский или Носовой (ныне Салехард), Березовский, Пелымский городки и др. Крупнейшим был русско-зырян-

¹ Здесь и далее историко-географические данные о ранних сибирских городах почерпнуты из обобщающих трудов Д. Я. Резуна [Резун, 2005; Резун, Василевский, 1989].

ский Тазовский городок, или Мангазея (от названия самоедского племени Монканси). Это заполярное поселение, основанное в 1572 г., располагалось на оживленном торговом пути. Мангазейский морской ход шел Северным Ледовитым океаном из Поморья в Западную Сибирь, соединяя Европейскую Русь с Приобьем. В конце XVI – начале XVII в. Мангазея воплощала идеи воли и богатства: «...это золотое дно, своего рода Калифорния, куда стремились за добычей драгоценного пушного зверя жители северных губерний...» [Буцинский, 1893, с. 33]. В 1601 г. здесь построили «государев» город, тем самым устанавливался контроль правительства над торговым путем и операциями с «мягкой рухлядью», создавался форпост для дальнейшего освоения Севера – открытия Якутии. Экономический упадок «златокипящей» Мангазеи был связан с несколькими обстоятельствами: оскудением главного градообразующего ресурса – соболиного промысла; запретом в 1613–1619 гг. морского пути из Поморья (во избежание колонизации территории Англией и Голландией); смещением южнее потоков сельскохозяйственной и промышленной колонизации Сибири; восстаниями окружающих самодийских племен. В результате в 1672 г. жители и гарнизон города переселились в Новую Мангазею (Туруханский острог) на р. Енисей. Достоверные данные об архитектуре и образе жизни забытого города были получены в результате археологических раскопок В. Н. Чернецова (1946), М. И. Белова, О. В. Овсянникова и В. Ф. Старкова (1968–1970, 1973), Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича (с 2000).

Публикации ученых инициировали появление художественных произведений о Мангазее. За последние годы вышли романы И. З. Елегечева («Мангазея», 1982), В. П. Рожкова («За морем – Мангазея», 1987), М. К. Анисимовой («Мангазея, или Златом кипящая царская вотчина», 2008 и 2012), К. Янева («Южная Мангазея», 2015), Ю. Ф. Шестеры («Мангазея», 2017). Мотив утраченного / найденного локуса подкреплен мощной культурной традицией и вводит сибирский город в систему легендарных прецедентов: Троя, Китеж, Атлантида, Эльдorado, Беловодье и др. В столетней судьбе города особенно притягательна для литературной обработки стремительность перехода от широкой славы и неслыханного богатства к запустению и забвению. Потенциал реализации мангазейской темы далеко не исчерпан и включает в себя жанровые вариации – от исторического и авантюрно-приключенческого романа до фэнтези и иного рода мифотворчества.

После похода Ермака с середины 1580-х гг. начинается планомерное освоение сибирской территории. Царские воеводы заново отстраивают

старые городки (Юильский, Ляпинский, Обдорский, Казымский, Березовский) и основывают новые «государевы» города, взяв под контроль все дороги, ведущие в Сибирь и обратно. Стратегически важные русские форпосты возводились на месте недавних центров Сибирского ханства или рядом с ними: Тюмень (1586) – в районе татарского города Чимги-Тура, Тобольск (1587) – в 15–18 верстах от бывшей резиденции Кучума – Искера (он же Кашлык, Сибирь), Верхотурье (1598) – в километре от остатков вогульского городища Нером-Карр, Туринск (1600) на месте Епанчина. Томск (1604) был построен по просьбе князька Тояна на его землях для защиты ешутинских татар. В Сибирском летописном своде (1687 г.) опустевший центр ханства, город Сибирь, «стал символом разорения царства Кучума, ушедшего времени, прошлой жизни» и в этом качестве был противопоставлен идее новой истории, начавшейся с основания русских городов [Журова, 2017, с. 13–14]. Память о прежних этносах и их культуре, несомненно, создает исторический и мифологический «подтекст» локуса, является семантически насыщенным и продуктивным «ядром» для формирования городских свертхтекстов (см., например, современную актуализацию мифа о великом сибирском городе Асгарде Ирийском, существовавшем на месте Омска [Селезнев, 2021]).

Градостроительное освоение Сибири изначально было процессом географического продвижения на новые земли вплоть до природных и политических границ: Тихоокеанского побережья на востоке и Китая на юго-востоке. Специфика первых очагов русского заселения типична для всех поселений-фронтиров, расположенных в зоне контакта двух уровней человеческой цивилизации. Большинство городов выросло из деревянных крепостей и острогов, поставленных на постоянно расширяемых рубежах страны. Помимо военно-оборонительного предназначения укрепления выполняли функцию сбора ясака. Далее последовало хозяйственное освоение территорий: развитие аграрно-ремесленной роли городов и острогов (многие из них официально переводятся в разряд «городов») и появление земледельческих слобод, из которых к концу XVIII в. сформировались некоторые малые города (Ишим, Курган, Ялуторовск, Шадринск и др.). Сибирские города, расположенные на основных водных и сухопутных торгово-транспортных путях, стали крупными торгово-промышленными узлами России, связующими Запад и Восток.

Этапы, аналогичные стадиям развития городов XVII в., прошли крепости и остроги начала XVIII в., построенные для защиты южных границ Сибири: Омск (1716), Бийск (1709/18), Семипалатинск (1718), Колывань

(= Чаусский острог, 1713), Каинск (1722, с 1935 г. – Куйбышев). Сибирская оборонительная линия, опорными пунктами которой были редуты, форпосты и города-крепости, включала в себя три линии: возведенную в 1730-х гг. в междуречье Ишима и Иртыша Старо-Ишимскую (Омск – Тара – Курган), которая сменилась более прямой Тоболо-Ишимской (1752–1755); Иртышскую (1745–1752), соединявшую Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск; Колывано-Кузнецкую (1747–1768) – от Кузнецка до Бийска и далее к Усть-Каменогорску. С продвижением границ России дальше на восток и линии, и крепости потеряли свое оборонное значение.

Закономерным единообразием отличается метафорика подобных городов. В краеведческих, научных, художественных текстах распространены образы ключа, окна, ворот, символизирующие двоякую функциональность локуса границы – барьерную и контактную. Например: Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) – «оной город почитаетца ключ Даурския провинции» (И. Идес, рубеж XVII–XVIII вв.); «Верхотурье – ключ к Сибири» (И. Е. Фишер, XVIII в.); Тюмень – «ворота в Сибирь» (Н. Д. Телешов, конец XIX в.). В современных медиатекстах, особенно рекламно-туристического характера, «общим местом» являются формулировки, акцентирующие историческую роль городов: «Томск (Тюмень, Тобольск, Иркутск) – окно (ворота) в Сибирь (Азию, Европу)».

Большинство сибирских городов, изначально принадлежавших к «эксцентрическому» типу, с расширением территории страны утрачивает свою порубежную локацию и, соответственно, семантику. Начинает доминировать, во-первых, идея центра: на статус столицы Сибири в разное время претендовали Тобольск, Тюмень, Омск, Красноярск, Томск, Новосибирск. Более того, в политическом и художественном (анти)утопическом дискурсе периодически актуализируются планы переноса столицы России из европейской части страны в Сибирь (см., например, роман А. В. Рубанова «Живая земля», 2010). Во-вторых, города провинциализировались, приобретая всё больше черт, общих с городами европейской части России.

Совершенно новый, индустриальный, тип сибирского города представлял собой Барнаул (1739) [Резун, 2005, с. 69] – промышленно-металлургический и административный центр Колывано-Воскресенского горного округа, построенный по образцу Екатеринбурга, который мыслился аналогом Петербурга [Клочкова, 2006, с. 8]. Комплекс Колывано-Воскресенских заводов сформировался на Алтае в 1816 г. и включал пять сереброплавильных заводов – Барнаульский, Павловский, Змеиногорский, Локтев-

ский и Гарвиловский (совр. Кемеровская обл.). Змеиногорск на протяжении своей истории то приобретал, то терял статус города. Поселок Павловск, названный в честь наследника престола, имел шанс стать столицей Алтайского края, если бы, как было задумано, туда перенесли основные заводские работы. Нереализованный потенциал локуса составляет отдельный аспект его семиотики.

Обязательными элементами ландшафта горно-заводского поселения были плотина и пруд [Бородаев, Контев, 2000, с. 153]. Одна из главных достопримечательностей Барнаула появляется в эпосе Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» как символ тяжелого крепостного труда². В автобиографической повести М. Д. Зверева «Заимка в бору» замерзший пруд является площадкой для воскресных кулачных боев. Свидетелем последнего боя в истории города (зима 1913 г.) становится рассказчик³. В Змеиногорске и Павловске плотина и пруд сохранились до сих пор, в Барнауле же решение о ликвидации было принято в 1926 г. Удивительно, но еще за 10 лет до этого события П. Казанский под псевдонимом Премудрая крыса Онуфрий опубликовал стихотворный фельетон «Плач о пруде»⁴.

«Горные» города, выросшие из заводских поселков, изначально отличались более организованной застройкой, планировкой улиц и площадей, жесткой регламентацией административной, хозяйственной, общественной жизни. Естественно, данный аспект фиксировался писателями. Так, Л. П. Блюммер в романе «На Алтае» (1885) помещает главу о городе Багуле, в котором угадывается Барнаул: «...каменные здания, выстроенные на кабинетские и казенные деньги, отзываются несколько и казенным вкусом, приведением всех частей к одному нивелирующему знаменателю»⁵.

К концу XVIII в. внешний облик большинства сибирских городов изменился согласно европеизированным планам перепланировки из Москвы и Петербурга: были «спрямлены» улицы, почти везде разобрали оборонительные укрепления, началась каменная двух-, трехэтажная застройка в стиле барокко (т. е. появилось «вертикальное» восприятие пространства города), стали облагораживаться набережные, площади, дороги и тротуары

² Гребенщиков Г. Д. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. Т. Г. Черняевой. Барнаул: ИД «Барнаул», 2013. Т. 2. С. 79–80.

³ Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология: В 5 т. / Под общ. ред. А. И. Куляпина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. Т. 5. С. 412–413.

⁴ Премудрая крыса Онуфрий [Казанский П. А.]. Плач о пруде // Жизнь Алтая. 1916. № 7. 10 янв. С. 2–3.

⁵ Образ Алтая... Т. 1. С. 116.

[Резун, 2005, с. 70]. В литературе эти изменения обыгрываются как в мотивах *подобия* сибирского города европейским, так и *отличия* неизменно отстающего и тщетно, зачастую комически, подражающего центру провинциального города. Например, в главе «Барнаул» романа И. А. Кушечевского «Не столь отдаленные места Сибири» (1875) подчеркнута, что «наибогатейшие дома... построены на манер английских коттеджей», что роскошь города чрезмерна: «...я не воображал себе таким даже голландского города негоциантов, Брука»⁶. И наоборот, в вышеупомянутом романе Блюммера читаем: «Про великорусские города, когда желают их похвалить, говорят обыкновенно, что “городок – Москвы уголок”. К Багулу такая льстивая кличка не подходит: слишком далек он от белокаменной, да и вообще представляет слишком мало сторон московской общественной жизни и внешности»⁷.

Решающим фактором взлета и падения города является его месторасположение на торгово-транспортной артерии: «История пролагаемых внутри страны дорог, есть вместе с тем и история поселений. Основываемые города – суть этапы на этих дорогах и вещественные памятники колонизации» [Васильев, 1916, с. 29]. На разных стадиях освоения русскими Сибири ведущие пути менялись, соответственно города возникали и расцветали либо, наоборот, приходили в запустение, теряли былой статус. Самые первые направления были естественными – водными: «...каждая из больших сибирских рек представляет собой отдельную главу колонизации Сибири» [Там же]. К примеру, государственной дорогой, соединявшей Москву с Тобольском, сначала был водный Чердынский, или Вишерско-Лозвинский, путь (в 1587–1588 гг. был поставлен Лозвинский городок для закрепления русской власти на бывшей дороге Сибирского ханства). Поскольку реки, в целом, текли перпендикулярно основной линии продвижения русских на восток, почти сразу назрела необходимость сухопутных маршрутов, пересекавших водные преграды. После того, как с 1597 г. Лозвинский путь был вытеснен более короткой сухопутной Бабиновской дорогой, городок разобрали. Аналогичным образом существование Мангазеи было предопределено востребованностью / запретом морского хода из Поморья в Западную Сибирь.

Наиболее выигрышным, как показало время, было местоположение тех городов, которые оказались на перекрестке водных и наземных направле-

⁶ Образ Алтая... Т. 1. С. 289.

⁷ Там же. С. 116.

ний. Главным сухопутным маршрутом из европейской России через Сибирь к Китаю начиная с середины XVIII в. стал Московско-Сибирский тракт, обустройство которого закончилось к середине XIX в. Важнейшими торговыми центрами были расположенные вдоль тракта Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск. Возросшие к концу XIX в. транспортные потребности российской экономики привели к сооружению в 1891–1916 гг. Великого Сибирского пути – Транссибирской железнодорожной магистрали [Казимиров, 1991]. Смещение генеральной дороги привело к снижению роли областных центров у ряда городов (Тобольск, Барнаул) и дальнейшему возвышению тех поселений, что находились в непосредственной близости от железной дороги (Тюмень, Омск, Красноярск, Иркутск, Чита). Статус города получили алтайские торговые села Славгород (1914), Камень (1915) и некоторые железнодорожные станции ⁸.

Особенно впечатляет стремительное преобразование Новой деревни (Гусевки), возникшей в 1893 г. в связи с постройкой железнодорожного моста через р. Обь, в малый город Новониколаевск (1903), который уже в 1904 г. вошел в число средних городов. В 1926 г. он был переименован в Новосибирск – на настоящий момент третий по численности город России, крупнейший торговый, культурный, научный и пр. центр Сибири. Закономерно, что в литературе образ Новосибирска связывался с мотивами молодости и столичности. Так, в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) читаем: «Безуглый любил Новосибирск – город-юношу в гремящей прозодежде. <...> На горизонте работал городской юноша. Его высокие, угловатые плечи дымились» ⁹. Представление о том, что Новосибирск – «новая столица Сибири», транслируется в записках Г. Гонцова 1920–1930-х гг. [Корниенко, 2019].

В середине XX в. многие исторические города Сибири получают «второе дыхание» в результате развития промышленности в СССР. К примеру, метаморфоза Кузнецка в Новокузнецк произошедшая благодаря постройке гигантских металлургических комбинатов, нашла отражение в советской литературе и стала существенным компонентом кузнецкого текста [Голуб, 2008]. Индустриальное освоение территории Сибири, в том числе связанное с открытием и добычей полезных ископаемых, привело к появлению большого количества новых рабочих поселков и городов. В послевоенное

⁸ Букин С. С. и др. Город // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. С. 409.

⁹ Образ Алтая... Т. 3. С. 18.

время к градообразующим факторам добавились здравоохранение и туризм (Белокуриха), а также наука – появились академгородки под Новосибирском, Томском, Красноярском и Иркутском¹⁰. Незначительный срок существования города, как показывает складывающийся вокруг Белокурихи корпус произведений, не является препятствием для возникновения локального текста и мифа (см., например, исследование А. И. Куляпина в: [Худенко и др., 2019, с. 76–81]). Семантический потенциал города-курорта определяется как его оздоровительной – преображающей – функцией, обусловленной уникальными природно-климатическими факторами, так и очевидной привязкой топонима к беловодческой традиции.

Градообразовательные возможности и потребности на территории Сибири неравномерны и связаны в первую очередь с особенностями местности и прагматическими запросами государства. Особое место занимает Республика Горный Алтай, в предгорьях которой стоит единственный, возникший в советское время, город – Горно-Алтайск (до 1948 г. Ойрот-Тура, с 1928 по 1932 г. Улала). Преимущественно сельскохозяйственная, в настоящий момент и туристическая направленность экономики региона делает неактуальным наличие городских поселений, а в плане семантики деградирует Горный Алтай в оппозицию «город – деревня», «цивилизация – природа». Антиурбанистическим пафосом проникнута, к примеру, повесть Антона Сорокина «Алтай и города»: «Никогда города не будут стоять на горах Алтая! Никогда на ледниках не будут построены... каменные дома, и никогда не будет вырублен кедровый алтайский лес. Никогда звери Алтая не будут уничтожены» (цит. по: [Шастина, 2015, с. 402–403]).

Итак, первые города Сибири в подавляющем большинстве относятся к инициированным государством поселениям-фронтам. Тем самым они принадлежат к эксцентрическому типу регулярной застройки, что устанавливает семантическую эквивалентность сибирских локусов с петербургским. Номинация сибирских городов в основном связана с местом их основания: с гидронимами, этнонимами, аборигенными топонимами. Здесь обнаруживается общность с древнерусскими городами. Культурный образ города определяется именем, пространством, историей существования. Мощным семантическим потенциалом обладают мотивы основания города, замены исконного автохтонного города новым русским, упадка / исчезновения некогда успешного богатого поселения, появления новой функции города, которая дает ему очередной импульс для развития. Сдвиг

¹⁰ Букин С. С. и др. Город. С. 411.

фронтира на восток и юг приводит к изменению роли города: от окраинного к провинциальному или центральному. Типичная метафорика городов (окно, ворота, ключ) трансформируется от барьерной семантики к медиативной. Градообразовательный потенциал локусов на территории Сибири неравномерен. Наиболее выгодным оказывается не только обладание уникальным ресурсом, но и месторасположение города на пересечении водных и наземных (дорожных, железнодорожных) путей. Современный город, как правило, неоднороден в плане застройки, функционала и семантического ореола районов. Наличие исторического центра – «старого города», а также мемориальных мест, связанных со значимыми моментами прошлого (человека, социума), моделирует урбанистическое пространство как культурный палимпсест.

Список литературы

Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 140 с.

Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М.: Книга, 1991. (Репринтное воспроизведение изд. 1922–1924 гг.)

Бабенко И. И. Специфика эстетической актуализации концепта *город Томск* в региональном поэтическом дискурсе // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2011. № 3 (105). С. 54–58.

Байдуж М. И. «Параллельная Тюмень»: визуальные манифестации локального текста // Шаги-Steps. 2016. Т. 2, № 4. С. 312–338.

Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.

Буцинский П. Н. К истории Сибири: Мангазея и Мангазейский уезд. 1601 г. – 1645 г. // Зап. Имп. Харьков. ун-та. 1893. Вып. 1. С. 33–98.

Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк: В 3 т. Чита: Тип. Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. 232 с.

Голуб О. С. Кузнецкий локус в литературе XIX–XX веков // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 90–96.

Десятов В. В., Куляпин А. И. Барнаульский миф в русской литературе // Культура и текст. 1998. № 3. С. 187–200.

Журова Л. И. Вариации сюжета о взятии града Сибирь в летописях XVII в. // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 5–16.

Казимиров В. Н. Великий Сибирский путь: к столетию начала строительства Транссибирской магистрали. Чита: Оттава, 1991. 230 с.

Киселев В. С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 36–61. DOI 10.17223/24099554/8/3

Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 21 с.

Корниенко С. Ю. Город «сибов», «китаезов», обывателей и чиновников, или «Новая Америка»: Новосибирск в канун великого перелома // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 207–224. DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-207-224

Кудинова И. Ю. Культурологический портрет сибирского города (на примере Красноярска): Автореф. дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2015. 22 с.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 320–334.

Люсый А. П. «Опознание локальных текстов культуры»: концепция учебного курса // Человек. Культура. Образование. 2011. № 1. С. 95–118.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе: Учеб. пособие. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.

Ноева (Карманова) С. Е. Особенности поэтики и структуры городского текста в якутском геокультурном ландшафте // Вестник Северо-Вост. федерал. ун-та им. М. К. Аммосова. 2021. № 3 (83). С. 93–105. DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.007

Резун Д. Я. Сибирский город XVII – первой половины XIX века как явление русской культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 1. С. 64–73.

Резун Д. Я., Василевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.

Селезнев А. Г. Миф, растянувшийся на века: древний великий город Сибири в средневековом сказании и современной идеологии родноверия // Вестник Ом. ун-та. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 4 (32). С. 163–173. DOI 10.24147/2312-1300.2021.8(4).163-173

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте // Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 259–367.

Худенко Е. А. и др. Литературная мифология Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 178 с.

Шаповалов М. С. Новый сибирский Иерусалим: истоки, трансфер, топонимика в XVII – начале XX в. // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2 (24). С. 182–198. DOI 10.23951/2312-7899-2020-2-182-198

Шастина Т. П. Творение мира и смерть богов в мотивном комплексе повести Антона Сорокина «Алтай и города» // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2. С. 402–405.

References

Abashev V. V. Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki [Russian Literature of the Urals. Issues of Geopoetics]. Perm, 2012, 140 p. (in Russ.)

Antsiferov N. P. Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Byl' i mif Peterburga [The Soul of Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. The Authentic History and Myth of Petersburg]. Moscow, 1991. (Published by "Brockhaus – Efron", 1922–1924). 540 p. (in Russ.)

Babenko I. I. Spetsifika esteticeskoy aktualizatsii kontsepta *gorod Tomsk* v regional'nom poeticheskom diskurse [Specific Features of Aesthetic Actualization of the Concept *the City of Tomsk* in the Regional Poetic Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, no. 3 (105), pp. 54–58. (in Russ.)

Bayduzh M. I. "Parallelnaya Tyumen": vizual'nye manifestatsii lokal'nogo teksta ["Parallel Tyumen": Visual Manifestations of the Local Text]. *Shagi-Steps*, 2016, vol. 2, no. 4, pp. 312–338. (in Russ.)

Borodaev V. B., Kontev A. V. U istokov istorii Barnaula [At the Origins of the History of Barnaul]. Barnaul, 2000, 336 p. (in Russ.)

Butsinskiy P. N. K istorii Sibiri: Mangazeya i Mangazeykiy uezd. 1601 g. – 1645 g. [On the History of Siberia: Mangazeya and the Mangazeya District. 1601–1645]. *Zapiski Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta*, 1893, iss. 1, pp. 33–98. (in Russ.)

Desyatov V. V., Kulyapin A. I. Barnaul'skiy mif v russkoy literature [Barnaul Myth in Russian Literature]. *Culture and Text*, 1998, no. 3, pp. 187–200. (in Russ.)

Golub O. S. Kuznetskiy lokus v literature XIX–XX vekov [The locus of Kuznetsk in the Literature of the 19th – 20th Centuries]. *Siberian Journal of Philology*, 2008, no. 3, pp. 90–96. (in Russ.)

Kazimirov V. N. Velikiy Sibirskiy put': k stoletiyu nachala stroitel'stva Transsibirskoy magistrali [The Great Siberian Way: to the Centenary of the Beginning of the Construction of the Trans-Siberian Railway]. Chita, 1991, 230 p. (in Russ.)

Khudenko E. A. et al. Literaturnaya mifologiya Altaya [Literary Mythology of Altai]. Barnaul, 2019, 178 p. (in Russ.)

Kiselev V. S. Tomsk v russkoy literature: problemy i perspektivy izucheniya [Tomsk in Russian Literature: Problems and Prospects of Research]. *Imagology and Comparative Studies*, 2017, no. 8, pp. 36–61. DOI 10.17223/24099554/8/3 (in Russ.)

Klochkova Yu. V. Obraz Ekaterinburga / Sverdlovsk v russkoy literature (XVIII – seredina XX v.) [The Image of Ekaterinburg / Sverdlovsk in Russian literature (18th – mid-20th century)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2006, 21 p. (in Russ.)

Kornienko S. Yu. “City of Siby”, “Chinatowns”, Ordinary People and Officials, or “New America”: Novosibirsk on the Eve of the Great Breakthrough. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2019, no. 1, pp. 207–224. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-207-224

Kudinova I. Yu. Kul'turologicheskiy portret sibirskogo goroda (na primere Krasnoyarska) [Culturological portrait of a Siberian city (on the example of Krasnoyarsk)]. Abstract of Cand. History of Culture Diss. Ulan-Ude, 2015, 22 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga [The Symbolism of Petersburg]. In: Lotman Yu. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds]. St. Petersburg, 2000, pp. 320–334. (in Russ.)

Lyusy A. P. “Opoznanie lokal'nykh tekstov kul'tury”: kontseptsiya uchebnogo kursa [“Identification of Local Texts of Culture”: the concept of the Training Course]. *Human. Culture. Education*, 2011, no. 1, pp. 95–118. (in Russ.)

Mednis N. E. Sverkh teksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, NSPU Press, 2003, 170 c. (in Russ.)

Noeva (Karmanova) S. E. Osobennosti poetiki i struktury gorodskogo teksta v yakutskom geokul'turnom landshafte [Poetics and Structure of Urban Text in the Yakut Geocultural Landscape]. *Vestnik of the North-Eastern Federal Uni-*

versity, 2021, no. 3 (83), pp. 93–105. (in Russ.) DOI 10.25587/SVFU.2021.83.3.007

Rezun D. Ya. Sibirskiy gorod XVII – pervoy poloviny XIX veka kak yavlenie russkoy kul'tury [Siberian City of the 17th – the First Half of the 19th Century as a Phenomenon of Russian Culture]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, 2005, no. 1, pp. 64–73. (in Russ.)

Rezun D. Ya., Vasilevskiy R. S. Letopis' sibirskikh gorodov [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk, 1989, 304 p. (in Russ.)

Seleznev A. G. Mif, rastyanuvshiysya na veka: drevniy velikiy gorod Sibiri v srednevekovom skazanii i sovremennoy ideologii rodnoveriya [A Myth Lasting for Centuries: the Ancient Great Siberian City in the Medieval Story and in the Modern Rodnoverie Ideology]. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, 2021, vol. 8, no. 4 (32), pp. 163–173. (in Russ.) DOI 10.24147/2312-1300.2021.8(4).163-173

Shapovalov M. S. Novyy sibirskiy Ierusalim: istoki, transfer, toponimika v XVII – nachale XX v. [New Siberian Jerusalem: Origins, Transfer, Toponymics in the 17th – beginning of the 20th Century]. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*, 2020, no. 2 (24), pp. 182–198. (in Russ.) DOI 10.23951/2312-7899-2020-2-182-198

Shastina T. P. Tvorenie mira i smert' bogov v motivnom komplekse povesti Antona Sorokina “Altay i goroda” [Creation of the World and the Death of Gods in a Motif Complex of the Narrative “Altai and Cities” by Anton Sorokin]. *World of Science, Culture, Education*, 2015, no. 2, pp. 402–405. (in Russ.)

Toporov V. N. Peterburg i “Peterburgskiy tekst russkoy literatury” [Peterburg and “Petersburg Text in Russian Literature”]. In: Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research on Mythopoetics]. Moscow, 1995, pp. 259–367. (in Russ.)

Toporov V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifopoeticheskom aspekte [The Text of the Maiden City and the Whore City in the Mythopoetical Aspect]. In: Tsivyan T. V. (ed.) Issledovaniya po strukture teksta [Studies in the Structure of the Text]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 121–132. (in Russ.)

Vasilev A. P. Zabaykal'skie kazaki: istoricheskiy ocherk [Trans-Baikal Cossacks: a historical essay]. In 3 vols. Chita, 1916, vol. 1, 232 p. (in Russ.)

Zhurova L. I. Variatsii syuzheta o vzyatii grada Sibir' v letopisyakh XVII v. [Variations in the Plot of Taking the Town Sibir' in 17th Century's Chronicles]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2017, no. 1, pp. 5–16. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент
Scopus Author ID 57217034302

Information about the Author

Tatiana A. Bogumil, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Scopus Author ID 57217034302

*Статья поступила в редакцию 14.01.2023;
одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 20.02.2023
The article was submitted on 14.01.2023;
approved after reviewing on 17.02.2023; accepted for publication on 20.02.2023*